

УЗЛЫ КОРРЕКЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ОПЫТА В ФИЛОСОФИИ Н.Н.СТРАХОВА

В. К. Харченко

Николай Николаевич Страхов (1828-1896) – “русский публицист, литературный критик, философ-идеалист. Выступал против философского материализма и революционных демократов. В статьях о Л.Толстом, Тургеневе и др. истолковал творчество русских писателей в духе почвенничества (сб. статей “Борьба с Западом в нашей литературе”, 3 кн., 1882-96”. Такую информацию помещает о философе Малая советская энциклопедия (1). Более пространные сведения предлагает пятитомная Философская энциклопедия (2). В философских словарях как советского, так и постсоветского периода, материалы о Н.Н.Страхове не представлены(3).

Обратимся к специальным публикациям.. “Общий смысл философии Н.Н.Страхова” – под таким названием в 1898 г. вышла брошюра проф. А.Введенского (4), который, будучи неокантианцем, называл философию Страхова боевой, упрекая его и за то, что он слишком много сил тратил на борьбу с Западом, и за некоторую недоговоренность, присутствующую в его трудах: “С напряженным вниманием следит он за движением этой драмы, за борьбой духа творчества и духа рассудочного отрицания, за переменным торжеством то одного, то другого. К сожалению, развязку этой многоактной пьесы, уже вполне подготовленную, философ унес от нас с собою”(5, с.3). “И вот всякий, кто берет у нас смелость иметь свое суждение, становится мишенью личных нападений и преследований. Ему уже не до создания своей системы, - нет, ему вряд отбиваться от преследователей и защищаться от плевков и комков грязи. Не избежал этой злой судьбы и Н.Н.Страхов” (5,с.23). “Н.Н.Страхов был очень сильный аналитик, но лишь второстепенный синтетик” (Там же). Вместе с тем А.Введенский подчеркивал и “теплую струю духовной жизни”, которая везде чувствуется в философии Страхова.

Э.А.Радлов в книге “Несколько замечаний о философии Н.Н.Страхова”, разделяя философов на философов критиков, аналитиков, скептиков и философов строителей, синтетиков, мистиков, отметил, что в Страхове были оба этих элемента. Свой разбор философской доктрины Страхова Э.Радлов завершает следующие

ми словами: "...Готовый результат можно, конечно, разлагать на части, устанавливая связь их с другими элементами; но что самое возникновение, само творчество ускользает от анализа. Приемов, с которыми в этом случае нужно приступить к делу, он не описал" (6).

Л.Р.Авдеева, сопоставляя культурологические концепции трех русских мыслителей: Ап.А.Григорьева, Н.Я.Данилевского и Н.Н.Страхова, — пишет, что Страхов "поддерживал торию культурно-исторических типов Н.Данилевского" (7). В третьей главе, посвященной Страхову, автор раскрывает такие проблемы, как *Философия меры и гармонии; Принцип "теоретической терпимости" и народный идеал; Мир и человек; История как органический процесс.*

Даже при беглом просмотре критических публикаций по творчеству Н.Н.Страхова можно, во-первых, заметить, что критика противоречий философа зачастую сама становится противоречивой и, во-вторых, что если философа упрекают за то, что он чего-либо не создал ("системы"), не описал ("приемов") или "унес с собою" (развязку драмы борьбы "духа творчества с духом рассудочного описания"), это наилучшим образом свидетельствует, что в самой философии много ценного и актуального, достаточного для того, чтобы книги Н.Н.Страхова вновь и вновь становились предметом изучения. Более того, на наш взгляд, именно Н.Н.Страхов дает столь необходимые сейчас уроки коррекции ментального опыта, то есть объясняет, в каком направлении необходимо совершенствовать гносеологическую культуру нации, какие вопросы методологии научного познания являются действительно узловыми.

Страхов не только как литературовед и критик (заслуги его в этих областях общепризнанны), но и как философ достоин пристального внимания исследователей, поскольку у истоков ряда значимых сейчас, популярных идей, из тех, что ныне взяты на вооружение как новое слово в философии и методологии науки, у основания, истоков этих идей стоял именно этот мыслитель.

Совпадения идей Н.Н.Страхова с идеями более поздних и более известных авторов едва ли не дословные. Обратимся к текстам: Страхов ищет взгляда на мир, "который позволил бы нам жить на нашей прекрасной планете, не слишком торопясь к геологическому перевороту и не слишком убиваясь о заблуждениях человечества", который "давал бы надлежащую меру и нашей вражде и нашей печали, давал бы хотя некоторый смысл той кутерьме, которую мы видим вокруг себя" (8, с.5).

Перед нами — итог попытки разработать такую философию, такой взгляд на мир, который позволял бы избежать крайностей, ограничить масштаб вражды и печали.

В своей книге "Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений" Жан Франсуа Ришар, говоря о систе-

ме селекции интенций, пишет о необходимости “удерживать в памяти подцели более высокого уровня, чем тот, на который осуществляется выполнение” (9). Страхов призывал избегать крайностей через создание философии, равно смыслообеспечивающей и толерантной, терпимой к... жизни. “Жизнь, как оказывается, совсем не то, что мысль. Она заключает в себе что-то крепкое, тяжелое, глубокое, нечто более едкое и жгучее, чем бесплотные и тихие движения нашей мысли. Жизнь не дает собой распоряжаться, и в этом случае она права, потому что сила на ее стороне” (10, с.100).

Итак, первый узел коррекции ментального опыта, по философии Страхова, заключается в необходимости постоянного совершенствования мысли, в своевременном подчинении идей наиболее гибким, высоким идеям жизнеустройства, смыслотворчества. С необходимостью постоянной коррекции мыслетворчества связана провозглашаемая Страховым вслед за Н.Я.Данилевским идея равнозначности культур. Метафору “концерт наций”, “концерт культур” употребили недавно, но ратовали за идею равной значимости культур еще в прошлом веке.

Как только мы признаем, что существуют и всегда существовали разнородные культуры, то мы поймем, – писал Страхов, – что никакая особая культура не может быть высшей целью человеческой деятельности” (11, с.100).

В 1993 году социолог из Гарварда Сэмюэл Хантингтон заявил: “Запад, по существу, использует международные организации, военную силу и экономические ресурсы для того, чтобы руководить миром так, чтобы сохранить западное превосходство, защитить западные интересы и распространять западные политические и экономические ценности... Западные идеи индивидуализма, либерализма, конституционализма, прав человека, равенства, свободы, законопорядка, демократии, свободных рынков, разделения церкви и государства вызывают только слабый отклик в исламских, конфуцианских... буддийских или православных культурах” (12).

Глубину отношения к иной культуре Страхов продемонстрировал в своей статье о Польше (“Роковой вопрос”). “России, – пишет Страхов, – надо понять уровень цивилизации Польши, которая не независима от варварской России, а полякам смирить гордыню этим уровнем”.

Итак, первый урок философии Страхова – отказ от крайностей, презумпция значимости, ценности любой культуры (не только чужой, но и своей!), невозможность эквифинального развития наций и культур, внутреннее естественное движение культуры страны, освободившейся от поверхностного подражательства.

Второй урок коррекции ментального опыта вытекает из первого урока едва ли не парадоксальным образом. Отказ от дуальной и инверсионной логики, как сейчас бы сказали, разгадывание пути

нации из особенностей самой нации, уважение к иным национальным маршрутам на первый взгляд провоцируют эдакую созерцательную неподвижность личности, но Страхов как раз против этого и выступает, подчеркивая, что те конкретные задачи, которые мы перед собой ставим и решаем, – это и есть будущее нации, которое мы же сами и создаем. “Если только душа вынесет что-нибудь, то она выходит из-под гнета с новыми силами, с новыми приобретениями. Что бы ни действовало на человека, организм идет вперед, и все приносит ему пользу, из всего слагается душа человека. Такова сила человеческой самостоятельности” (13, с.166). И далее: “Пока есть задача, которая не решена, пока есть замысел, который не исполнен, пока есть цель, которая не достигнута, – до тех пор возможна деятельность. И следовательно, муки души побуждают нас вперед, к неразгаданному, к несовершенному. Они суть муки рождения. То *новое*, что приходит в мир, – таинственное будущее, которое наступает, – оно приходит не помимо нас; мы сами его рождаем” (Там же, с.175). Перед нами не пассивное прогнозирование, а слияние деятельности и прогноза, дела и будущего, мук творчества и завтрашнего дня, внутреннего оптимизма тяжелейших страданий и усилий и достижения чего-либо действительно ценного. Читая Н.Н.Страхова, мы не можем не сделать проекции на теорию пассионарных вспышек А.Н.Гумилева.

Сочетать тонкость, точность и объемность прогнозирования будущего с пассионарностью, энергией творческого “я” – значит превращать созерцательную философию в философию деятельности. Кстати, с таким пониманием ценности человеческих усилий связан и поднимаемый Страховым вопрос о смысле смерти.

В статье “Русская философия смерти” К.Г.Исупов пишет: “Русская традиция знает абсолютную посястороннюю альтернативу смерти; история ее философского осмысления практически не изведена. ... Русские интуиции смерти и опыт ее переживания в родной словесности и искусстве почти не изучены. Настоятельной современной потребностью, отвечающей духовной конъюнктуре дня, является собирание и издание памятников отечественного размышления над смертью” (14, с.46, 48).

Н.Н.Страхов один из немногих русских философов, кто действительно попытался осмыслить смерть, создать собственную теорию танатологии, как теперь называют науку о смерти: “Смерть, – считал он, – это финал оперы, последняя сцена драмы; как художественное произведение не может тянуться без конца, но само собою обособляется и находит свои границы, так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни” (13, с.124). Далее Страхов пишет, что если бы опера была только совокупностью звуков, то она могла бы продолжаться без конца; если бы поэма была только набором слов, то она также не могла бы иметь никакого

естественного предела. Но смысл оперы и поэмы, их существенное содержание требуют финала и заключения.

Нейрофизиологи установили, что в человеке позднее всего умирает мозг, а вот что писал об этом же Страхов: “Но ум сам себе светит, и потому бережет свой свет так старательно и так долго, как никакая другая сила организма”. Старики бывают неприятны, —отмечает Страхов, — но из-за грубого осадка долгой жизни, ум же остается светлым и сильным до глубокой старости, почти до последних ее минут. “Вообще смерть замечательна своею быстротою; она быстро низводит организм от состояния деятельности и силы к простому гниению. Как медленно растет и развивается человек! И как быстро по большей части он исчезает!

Причина этой скорости заключается именно в высокой организации человека, в самом превосходстве его развития. Высокий организм не терпит никакого значительного нарушения своих отправлений, тогда как низшие организмы не уничтожаются при самых сильных изуродованиях. Есть животные, которых можно резать на части — и каждая часть останется живою.

Высокое и стройное развитие не терпит понижения; поэтому понижение обнаруживается как трагический удар, разрушающий все здание организма.

С этой точки зрения смерть есть великое благо. Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь, что можем стать вполне человеком; смерть же не дает нам пережить себя” (13, с.134).

Мы вынуждены прибегнуть к столь пространному цитированию, поскольку здесь в четкой и выразительной форме передан весь катарсис мыслей о смерти. Можно ли заявлять после этого, что в русской традиции философское осмысление смерти отсутствует?

Понимание смысла смерти, предложенное Страховым, созвучно православному мировосприятию. Будучи глубоко религиозным человеком, Страхов подошел к данной проблеме прежде всего как философ, подчеркнувший очерченность, рамочность индивидуального бытия (“Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь...”).

Еще один узел коррекции ментального опыта в свете философских исследований Страхова можно найти в вопросах о форме, в том числе о форме научного исследования. Философ спорит с теми, кто считает, что форма ничего не значит, главное — содержание. “Легко убедиться, что обыкновенный взгляд на форму мешает нам познавать вещи. Форма есть именно то, что всего доступнее для нас, что мы понимаем и познаем всего яснее. Содержание же всегда есть нечто скрытое и мало доступное. Следовательно, если мы не поймем, что такое форма, не заметим ее смысла и будем отбрасывать форму за формой как пустую шелуху, то сущность предмета будет казаться

нам все темнее и неуловимее, и мы не дойдем ни до какого ясного познания” (13,с.135). “... Мы не понимаем самых ясных вещей, совершающихся прямо перед нашими глазами, потому что смысла их ищем за тридцать земель” (13,с.136). Доктор философских наук В.П.Римский (Белгородский государственный университет) считает, что этими высказываниями Страхов предвосхищает и неокантианцев, и Кассира, и структуралистов.

Если форма столь важна, если от изучения формы во многом зависит успех изучения содержания, то, следовательно, старая метафизика может не сработать. В современном науковедении такое явление называют давлением научных парадигм.

“В таком случае приходится бросить ее старую метафизику и внести в нее новую, которая бы не стесняла ее движения и открывала ей новые пути и задачи. Так это и делается, причем обыкновенно старая метафизика бывает упорно защищаема привычными к ней учеными, а новая долгое время принимается за смелую гипотезу” (15).

В смене метафизик (парадигм науки) еще не весь урок Страхова. Сравнивая науку с медицинской практикой, философ пишет, что как 5-6 лекарств составляют главный арсенал употребляемых средств и когда они сменяются другими, то опять не более, как пятью или шестью, так и в умственной деятельности “мы обыкновенно обходимся только немногими категориями, которые без конца прикидываем ко всему, о чем думаем. От этого происходит, что целые области знания становятся нам недоступными в своем истинном смысле, а если мы станем их обрабатывать, получают совершенно искаженный вид, лишаясь своего настоящего содержания” (16).

Поразительно: Страхов вычислил самую типичную ошибку любого научного поиска. Дело даже не в том, что здесь же зафиксирован объем оперативной памяти человека (7 +/- 2), дело в том, что мы склонны одними и теми же инструментами (категориями, понятиями, объяснениями) препарировать принципиально различные вещи. Может быть, поэтому и ратовал Н.Н.Страхов за “перегородки”, и хотел бы, чтобы обвинение Н.П.Вагнера о перегородочной философии навсегда осталось за его философией. Страхов твердо указывал задачи науки, четко очерчивал границы наук. “В наше время, столь гордое своими успехами в науках и нравственности, доверчивые люди преспокойно набивают себя всяческими обрывками слов и мыслей, носящихся вокруг них; этот хаос удовлетворяет их, насыщает, заглушает в них потребность ясного и точного понимания. Вот почему никогда не было такого распространенного невежества, таких разнообразных заблуждений, такого падения умственного уровня, такого непрерывного кружения на одном месте, как в наше время. Против этого зла существует одно средство: постараться мыслить строго, отчетливо, то есть будем

строго различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем. Другого спасения от путаницы быть не может" («О вечных истинах»).

Не в наш ли адрес звучит: "В наше время, столь гордое своими успехами..."? Что за универсальное наблюдение, в XIX веке предсказавшее и то, что будет актуально для конца века XX!

Нет, Страхов-философ не весь такой интересный. Есть и устаревшие, и примитивные страницы текстов. Книгу "Мир как целое" читать увлекательнее, нежели книгу "Об основных понятиях психологии и физиологии". Не забудем, что мы оставляем за скобками своего разбора литературоведческие работы, не стоящие особняком от философских работ. Не анализируем мы и уроки его незаурядной личности. Мы берем сейчас только философский аспект, но наличие пустой породы в книгах не означает, что исследователи ничего не найдут, хотя сам автор признавался, что изложение иногда может показаться утомительным учебною отчетливостью и связностью.

Наконец, еще один узел коррекции ментального опыта, по Страхову, — это отношение к конкретному человеку. Н.Н.Страхов в своих рассуждениях отталкивается от известной сентенции "Нет великого человека, который был бы великим для своего лакея". Замечание это неблагоприятно вовсе не для великих людей, как многие думают, но для лакеев. Лакей великого человека видит в нем только черты, которые в силах понимать, то есть черты обыкновенного или даже плохого человека. "Но о человеке должно судить не потому, что он есть в данную минуту, а потому, чем он был и чем он может быть. Кстати заметить здесь, что взгляд, подобный лакейскому, встречается часто в суждениях о требованиях искусства. ... Человек не бывает *всем самим собою* каждую минуту; но есть минуты, когда он бывает тем, чем только может быть в другое время, и на такие минуты должно быть обращено все внимание художника. Иначе — его произведение будет величайшею ложью на действительность" (13, с.160).

Настоящая философия способна корректировать поведение рядового человека, ординарной личности. Разве только что приведенные слова Страхова не подсказывают нам, как должно, как философски правильно относиться к людям, нас окружающим? И разве не вписывается такой подход в общую философскую позицию Н.Н.Страхова, разве эта мысль не образует единой системы со всем вышеизложенным?

Страхов бесконечно уважал настоящее познание. "Великая привлекательность эмпиризма состоит в том, что каждый эмпирический результат есть настоящее познание, так как предполагается, что он не заключает в себе ничего субъективного," — пишет философ в Предисловии к переводу Тэна "Об уме и познании".

“Глаз обнимает мир так же легко, как обнимает его мысль,” – подчеркивал Страхов, утверждая, что более умподобного чувства, нежели зрение, и вообразить невозможно.

Полагаем, что философская система Страховым, хотя и не была провозглашена как система, однако была создана. System glaube ist Aberglaube, – сказал Новалис (Системотверие есть суеверие). Философская система Страхова – это система предостережений, утверждение путем отрицания.

Мы уже пытались показать, что многие из этих узлов коррекции ментального опыта между собой связаны, спаяны, и все-таки “отрицающую” философию труднее оценить как систему, нежели философию утверждающую, в то же время как философия “минус-концепция” оказывается подчас гносеологически более эффективной.

Вспомним: этика держится на десяти заповедях, и почти все они – заповеди-запреты (Не убий. Не укради.). Художественный эталон высочайшей культуры поведения (Татьяна Ларина) выражен, преподнесен нам Пушкиным тоже как урок отрицания (“Она была не тороплива, Не холодна, не говорлива, Без взора наглого для всех...”).

Недооценка страховских запретов и “перегородок” связана еще с одним обстоятельством. Сравнивая физиков и философов, В.В.Налимов пишет: “...Языковая замкнутость мысли различным образом проявляет себя в разных текстах. В физике языковые поля необычайно широки – в них находят себе место основополагающие высказывания многих крупных ученых. Так, например, в квантовой механике, обладающей своими четко выраженными языковыми средствами, мы находим много породивших ее выдающихся фигур. Иначе все обстоит в философии. Здесь, как правило, каждое языковое поле замыкается на одного создавшего его мыслителя – все существенное для этого поля выговаривается им, дальше можно говорить только о степени влияния этого поля” (17, с.16).

Философия Н.Н.Страхова с трудом воспринимается как единое языковое поле, поскольку это в основном корректирующая философия, предупреждающая об опасных, тупиковых, невыигрышных путях мышления. Такой философией гораздо легче руководствоваться, нежели признавать ее системой, “полем”, законченным интеллектуальным корпусом, конструктом. И вместе с тем какое снайперское попадание в нашу действительность! Начинаешь понимать, почему именно этот человек, воплотивший такую систему философских взглядов, мог стать желанным собеседником, более того, авторитетным советчиком для таких писателей, как Толстой и Достоевский.

Естественно, в своем разборе мы остановились на отдельных моментах философии Страхова, однако и эти моменты носят системообразующий, системоотворческий характер, поскольку являют-

ся узловыми, ключевыми, определяющими параметрами дальнейшего движения мысли. Мудрость Страхова-философа в универсализме его советов, столь актуальных прежде всего для русского национального самосознания. Горький диагноз искать смысла "за тридевять земель" привел к тому, что и сам автор диагноза (Страхов) не был воспринят, понят, представлен перед духовными очами нации как философ.

В книге "Научная мысль как планетное явление" В.И.Вернадский с горечью констатировал: "Странным образом методика научной работы, имеющая большую литературу и руководства величайшего разнообразия, совершенно не охвачена философским анализом" (18, с.146). Как видим, традиция пренебрежения к национальным интеллектуальным сокровищам переключалась и в XX век.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т.8. — М.: Советская энциклопедия, 1960. — ст.1160.

2. Философская энциклопедия /Гл. ред. Ф.В.Константинов. — М.: Советская энциклопедия, 1970. — Т.5. — С.139.

3. Философский словарь /Под ред. М.М.Розенталя. Изд. 3-е. — М.: Политиздат, 1975. — 496 с.; Философский словарь /Под ред. И.Т.Фролова. 6-е изд. — М.: Политиздат, 1991. — 560 с.; Философский энциклопедический словарь /Ред.-сост. Е.Ф.Губский, Г.В.Кораблева, В.В.Лутченко. — М.: Изд. дом "Инфра-М", 1998. — 576 с.

4. Введенский А. Общий смысл философии Н.Н.Страхова. — М.: Университетская типография, 1897. — 25 с.

5. Там же, С.3.

6. Радлов Э.Л. Несколько замечаний о философии Н.Н.Страхова. — Спб., 1900. — 23 с.

7. Авдеева А.Р. Русские мыслители: Ап.А.Григорьев, Н.Я.Данилевский, Н.Н.Страхов. Философская культурология второй половины XIX в. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 196 с.

8. Страхов Н.Н.. Содержание жизни // Светоч. 1861. № 1.

9. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. — М.: Ин-тут психологии РАН, 1998. — 232 с.

10. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма (1861-1865). — Спб., 1890.

11. Страхов Н.Н. Борьба в Западом в нашей литературе. Кн. 3.

12. Foreign Affairs, 1993, October. — P.40.

13. Страхов Н.Н.. Мир как целое. Черты из науки о природе. — Спб., 1872. — 505 с.

14. Исупов К.Г.. Русская философия смерти // Смерть как феномен культуры. — Сыктывкар: Сыкт. ун-т, 1994. — С.34-53.

15. Страхов Н.Н.. Мир как целое. Изд. 2-е. — С.518-520.

16. Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. Изд. 3-е. — Киев, 1904. — 238 с.

17. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — М.: Прометей, 1989. — 288 с.

18. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991. — 271 с.